

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

«ВЕЛИКАЯ НАУКА РАЙМУНДА ЛЮЛЛИЯ» И ЕЕ ЧИТАТЕЛИ

«Великая и предивная наука богом пресвященного учителя Раймунда Люллия» занимает особое место в истории русской образованности XVIII столетия. Посвященная изложению взглядов каталонского средневекового философа и богослова, она приобрела неожиданную на первый взгляд популярность среди русских читателей. В эпоху, когда печатный станок почти полностью вытеснил труд переписчика, «тщанием и иждивением» многочисленных поклонников и ценителей создавались новые и новые списки этого объемистого сочинения. Великолепно украшенные фолианты в тисненых кожаных переплетках; более скромные, но разросшиеся до двух томов книги в четверть листа, писанные торжественным полууставом; «карманные издания» в осьмушку, заполненные торопливой и небрежной скорописью, — всего 55 списков «Великой науки» учтено в настоящее время в хранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и Калининна.¹ Спрос на это сочинение оказался столь значительным, что в 1725 году известный старообрядческий деятель, настоятель Выговской пустыни Андрей Денисов составил сокращенный его вариант. «Понеже Великая наука кабалистичная великую книгу, о ней поучающую, имеет, юже везде переносить или скоро прочесть неудобно есть всегда, сего ради вкратце из оныя малая книга сия написуется», — так объяснял А. Денисов в предисловии цель своего труда.² «Малая книга» сохранилась в 7 списках, общее же количество рукописей «люллианских сочинений», включая русский перевод «Краткой науки» (*Agis brevis*) Люллия и руководство по риторике — так называемую «Риторикку Раймунда Люллия», достигает 80.³ Активный читательский инте-

¹ Архимандрит Никанор («Великая наука» Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова». Оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», т. XVIII, кн. 2. СПб., 1913, стр. 15) и В. П. Зубов («К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. Русская люллианская литература и ее назначение». «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVI, Л., 1960, стр. 288—303) учитывают 41 список «Великой науки»; кроме того, нами учтены следующие списки: ГПБ, Q. III. 70; O. III. 16 и 16^b; Титов, 4642, 4895; ГБЛ, Муз., 4150, 4499; Невоструев, 41; Егоров, 695, 785, 788, 1071, 1555; ГИМ, Щук., 735; Государственный архив Калининградской области, № 938. Автор выражает глубокую признательность И. Ф. Голубеву за любезно предоставленные сведения о рукописи Калининского областного архива.

² БАН, 16.15.19, л. 7.

³ Кроме учтенных В. П. Зубовым списков (К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в., стр. 296—299), нами просмотрены следующие рукописи: «Сокращения» А. Денисова — ГПБ, O. III. 194; ГБЛ, Опт., 105; Егоров, 2007; «Краткой науки» — ГБЛ, Егоров, 1363; ГИМ, Чертков, 193; «Риторика» — ГБЛ, Нилова пустынь, 34, 43.

рес к ним сохранялся до первых десятилетий XIX века, когда на смену ему пришло увлечение коллекционеров и пристальное внимание исследователей.

Рыцарь и монах, поэт и философ, фанатичный миссионер, мечтавший обратить в католическую религию народы мусульманского Востока, Раймунд Люллий (1235—1315 годы) сочетал мистическую экзальтированность с наивной верой в возможность доказать истины христианства доводами разума. Этой цели должно было служить его «великое искусство». Люллий полагал, что, установив основные понятия, можно путем их механических комбинаций с помощью разработанных им таблиц, фигур и вращающихся кругов, прийти к раз на всегда определенным и для всех очевидным выводам. Именно эта сторона учения Люллия, а отнюдь не его собственно философские и богословские воззрения, реакционные даже для XIV века, — оказалась наиболее живучей. В XVI—XVII веках люллиева «изобретательная логика» находит многочисленных сторонников и продолжателей. Целый ряд комментаторов, среди которых были такие мыслители, как Агриппа Неттесгеймский, Левефр д'Этапль, Джордано Бруно, разрабатывают проблемы «люллиева искусства»; большое внимание уделяет им Лейбниц. В основе этих поисков, еще не получивших должной оценки в историко-философской литературе, лежало стремление к выработке нового научного метода, противостоящего схоластической логике. Теоретической предпосылкой «изобретательной логики» Раймунда Люллия являлось учение о полном и совершенном совпадении вещей и понятий. Само же «искусство» механических комбинаций терминов должно было, по замыслу комментаторов XVI—XVII веков, привести к созданию универсального метода познания, содержащего в себе начало и принципы всех наук. Естественным и необходимым дополнением новой логики являлась система знаний, своеобразная философская энциклопедия, охватывавшая все виды «сущностей».⁴ Произведения Раймунда Люллия и его комментаторов неоднократно издавались в XVI—XVII веках, переводились на западноевропейские языки. Не осталась в стороне от этого направления западноевропейской философской мысли и русская культура конца XVII столетия.

«Великая наука Раймунда Люллия» не является переводом ни «Великого искусства» (*Ars magna*), ни какого-либо другого произведения каталонского философа. Замечание Б. Е. Райкова о том, что «Люллий написал так много и так часто перерабатывал и сокращал свой основной труд, что нельзя утверждать это с полной вероятностью»,⁵ не представляется нам достаточно убедительным. Ни одно из 313 ученых исследователями изданных и неопубликованных сочинений Люллия⁶ не может быть отождествлено с нашей «Великой наукой». Да и в самом тексте русской рукописи ясно говорится о Люллии в третьем лице и подчеркивается, что книга является изложением его взглядов — в отличие от русского перевода «Краткой науки» (*Ars brevis*), где авторство Люллия указано определенно и безошибочно, а текст перевода точно соответствует латинскому тексту оригинала.

Не является «Великая наука» и переводом какого-либо из известных нам западноевропейских комментариев «*Ars magna*». Сравнение русского текста с произведениями таких комментаторов Люллия, как Агриппа Неттесгеймский, Джордано Бруно, Иоганн Генрих Альштед, Валерий де Вальер, Педро Санчед,

⁴ В. П. Зубов. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XI, М., 1950, стр. 164—182; P. Rossi. Studi sul lullismo e sull'arte della memoria nel Rinascimento. I teatri del mondo e il lullismo di Giordano Bruno. «Rivista critica di storia della filosofia». Anno XIV, fasc. I, gen.-marzo, 1959, pp. 28—59.

⁵ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд., М.—Л., 1947, стр. 56.

⁶ Histoire littéraire de la France, t. XXIX. Paris, 1885, pp. 67—386.

Пьер Морестель, Афанасий Кирхер, — убеждает в том, что перед нами оригинальный труд неизвестного доселе комментатора.⁷

Построение «Великой науки» не повторяет схемы «Великого искусства» Люллия. Впрочем, текст, которым пользовался и на который ссылается автор «Великой науки» («Сам Раймундус Люлиус науку свою пределеи на шесть частей»), отличается от известного и неоднократно издававшегося текста «*Arts magna*», состоящего из 13 частей.⁸

«Великая наука» открывается «Предисловием»; за ним следуют вводные разделы «О начертании таблицы» и «Увещание о вопросах», в которых содержатся краткие сведения о Раймунде Люллии и его «науке». В предисловии использованы (с прямыми ссылками на источник) предисловия к сочинениям Люллия и комментариям Валерия де Вальбер и Агриппы Неттесгеймского — все эти материалы могли быть взяты из неоднократно повторявшегося в XVI—XVII веках цетцнеровского издания сочинений Люллия, снабженного комментариями его последователей.⁹ Вводные разделы в какой-то мере соответствуют первой части «Великого искусства» — «Об алфавите» и пятой — «О таблице».

Первая часть «Великой науки» не имеет прямых аналогий в произведении Люллия; в данном случае наш автор следует «толковникам», комментаторам «великого учителя»: «В начале всех сих частей посторонне побочне кладут три сия слова, по их разсуждению зело нужныя к постижению сея науки... Три сия вещи, сиречь естество, единство и совершенство прежде всего ведомости достойныя суть».¹⁰ Первая часть посвящена объяснению основных философских понятий, необходимых, по мысли автора, для усвоения «науки», и систематизации их путем сравнения двух схем — «древа Порфириево» и «древа Майориканского».

Вторая часть — «О прилагаемых соборных» — посвящена характеристике терминов «доброта, величество, качество, пребывание, власть, разум, воля, истина и слава»; третья часть — определению «разсмотрительных или разборных прилагаемых», т. е. «разнства, согласия, противности, начала, середины, конца, большинства, равенства и меншества». Обе эти части соответствуют восьмой части «Великого искусства» — «О сочетании принципов и правил». Четвертая часть — «О вопросах» («вопросы сии не токмо вопросами, но и правилами нарицаются, понеже в них правила полагаются, яко на всякой вопрос отвещати»¹¹) — в какой-то мере соответствует носящей аналогичное название одиннадцатой части «Великого искусства». Часть пятая — «О существах» — повторяет основное содержание 1—54 глав девятой части сочинения Люллия. Нарушает указанную в предисловии схему построения «науки» шестая часть, отсутствующая у Люллия, — «О случаях» (т. е. об акциденциях, категориях «количества, качества, отношения, деяния, страдания, имени, положения, времени и места»). К ней в некоторых списках приложена особая «беседа о второй форме философской», носящая характер руководства по риторике и, в качестве примера проповеди, построенной по изложенным в «Беседе» правилам — «Слово о посте». Шестая часть введена, объясняет автор, не самим Люллием, а его комментаторами, «не для ради исправления или презрения его, но для объяснения вещей, яже в вопросах его закрытая суть; того ради... полагают часть одну, десять случаев главных в себе содер-

⁷ М. Безобразова. О «Великой науке» Раймунда Люллия в русских рукописях XVII века. «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, № 2, стр. 383—399; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в., стр. 290.

⁸ R. Lullius. *Arts magna, generalis et ultima*. Francoforti, 1956.

⁹ R. Lullius. *Opera ea quae ad adiuvendam ab ipso artem universalem... pertinent*. Argentorati, 1598, 1609, 1617, 1651.

¹⁰ ГПБ, Ф. III. 1, л. 30б.

¹¹ Там же, л. 170об.

жашу».¹² Заключительные седьмая и восьмая части — «О добродетелях» и «О прегрешениях» снова возвращают нас к люллиевой «*Arts magna*» и соответствуют 55—72 и 73—90 главам девятой части.

Таким образом, построение «Великой науки» не является копией схемы Люллия и его комментаторов, а представляет собой продукт оригинального творчества автора.

Приводя мнения «толковников» Раймунда Люллия и ссылаясь на них (в тексте упомянуты имена «Валерия де Валерис, патрикия венецыйского», «Хиенрика Корнилея Агриппы» и «славнейшего Афанасия Кирхера»; кроме того, в другом русском люллианском сочинении — «Риторике Раймунда Люллия» — упомянуты сочинения Иоганна Генриха Альштеда и «Иордана Бруна Холяна»), автор «Великой науки» в то же время следует лишь «согласующимся толковником» и часто полемизирует с ними. Так, в начале пятой части «О существах», он пишет: «Часть сию Хиенрик Корнилей Агриппа и иннии нецзи толковники Раймунда Люллия первую частью в письменах своих сотворили против положения Раймундоваго» и далее отстаивает свою точку зрения на построение «науки».¹³ В другом случае автор еще более определенно противопоставляет себя комментаторам «великого учителя»: «О сей фигуре... мнози убо от толковников его своя пределения несогласныя ученою его положиша со обличением один другого; которых аз ниже мирити, ниже укоряти хошу, но что в них мудрое, и науце Раймунда Люллия согласное, от многих толковников избравши, предложу».¹⁴

Оригинальна и форма подачи материала, не встречавшаяся в других «люллианских» сочинениях этой эпохи. Автор рассматривает свое сочинение прежде всего как учебное руководство, и, сознавая трудности усвоения сложной системы люллиевой логики и используемых в ней философских понятий, излагает переработанную им «науку» в виде вопросов и ответов: «Аще убо высокую науку необычно есть простым сочинением полагаати, но аз, пользу паче учеников, нежели сочинение высокое почитаючи, науку сию разговором или беседою учителя со учеником предложу, бо еже оную удобнейше вняти и помнити искателем сея науки».¹⁵

Таким образом, построение и форма изложения «Великой науки», использование в ней как сочинений Люллия, так и произведений «толковников» свидетельствует о том, что перед нами оригинальный комментарий, который следует поставить в один ряд с другими памятниками европейской люллианской литературы XVI—XVII веков.

Если оригинальность «Великой науки» не вызывает сомнений, то гораздо труднее ответить на вопрос, является ли это сочинение произведением русского мыслителя или переводом неизвестного западного комментатора. Люллианская литература XVI—XVII веков достаточно обширна и очень слабо изучена; пока следует лишь отметить, что поиски латинского оригинала (в предположении, что «Великая наука» — перевод) не дали до сих пор никаких результатов.

В то же время в тексте «Великой науки» имеется ряд черт, свидетельствующих о приспособлении книги к русским условиям. Так, автор постоянно приводит русские меры веса, длины и объема: золотники, фунты, пуды; персты, пяди, четверти, аршины, сажени, версты; ложки, чарки, кружки, ведра, четверики. В качестве примера «великости чинов церковных» приводится в «Великой науке» патриаршество. Автор ссылается на прологи, жития святых, приводит русские пословицы: «доброта счастья, — пишет он, — паче

¹² Там же, лл. 3об., 259об.—260.

¹³ Там же, л. 207об.

¹⁴ Там же, л. 116 и 116об.

¹⁵ Там же, лл. 4об.—5.

всех доброт в сем мире почитается, по обыкновенной пословице в мире: не родися мудрый, ни богат, но счаслив, обаче простаго народа простое слово».¹⁶

Даты в тексте рукописи приводятся «по счету восточных церкви»; в одном из списков указан промежуток времени «от седмаго собора до преложения книг на словенский язык Кирилом философом — 77 лет; от преложения книг до крещения русския земли 123 лета».¹⁷ Говоря о единстве церкви, автор обрушивается на старообрядцев, «яко разное учение и веру вводят, ибо не приемлют многих церковью содержимых, яко нецци от седми таин не приемлют исповедания последнего, елеопомазания, ни жертвы...».¹⁸

Автор «Великой науки» знаком с русской философской (переводной) литературой: «Но кто от мудрых инако претолкует сия словеса, убикацию, локалитас, хекцентас, яке значит три словеса положенныя гдечество, месточество, тоечество, яке в Лоגיע Дамаскина святаго искусный некто в философии толковник руский описал».¹⁹ Сам он постоянно озабочен точной передачей латинских философских понятий.

Приводя примеры государственного устройства, автор ссылается на русские и польские, хорошо знакомые русскому читателю условия: «Власть монаршеска... власть самодержавная, в которой одному вси повинуются, яко царем и великим князем, земель своим самодержцем»; «власть аристократична есть власть многих вельмож, царство или народ какой правящих, яко в Польши 12 воевод было вместо короля»; «... есть власть яке до смерти дается кому, яко обыкновенно в Польши воеводы на мале пременяют, разве в вышший чин».²⁰

Особенно существенным представляется нам то, что автор сознательно противопоставляет себя католическому миру, западной церкви. «Был убо архиепископ великий, — пишет он, — епарх Ратибонской, западных церкви учитель, и во святых убо тамо почтенный». Он говорит о западных языках и обычаях, как о знакомых, но чуждых ему и его читателю: «По державе и земель пространству италийским, и французским, и ишпанским обыкновением зовется турецкий монарха»; «но ведати ти подобает, иже Раймундус Люлиус вопрос сей положил, смотря по диалекту итаианскому, французскому и гишпанскому, в которых землях учитель бых, у них убо де кви блиско и подходит латинскому де кво, но по нашему толкуючи, де кви итаианское и гишпанское далека отменная есть от латинского де кво, понеже де кви значит чьи, или чия, или чые, а де кво значит с чего, или от чего, или о чем».²¹

Встречающееся в «Великой науке» противопоставление люллиева искусства богословию также весьма трудно представить себе в сочинении католического происхождения. На характерно русские, православные черты в воззрениях автора «Великой науки» обратил внимание один из читателей, делавший отметки на полях принадлежавшей ему рукописи: «Автор сея книги должен быть грекороссийския церкви... Автор, преложивший на руской язык и метод, и учение Раймунда Люллия, должен быть духовная особа... Сие о постах извещение показывает, что автор, или прелогатель сея книги был из членов грекороссийския церкви. Да ублажит его господь!».²²

¹⁶ Там же, лл. 60об., 66об.—67, 262, 264, 308об.; Н. Соколов. «Философия Раймунда Люллия» и ее автор. «Журнал Министерства народного просвещения», 1907, № 8, стр. 331—338.

¹⁷ ГПБ, Ф. III.1, л. 199об.; Солов., 1508/49, л. 168об.

¹⁸ ГПБ, Ф. III.1, л. 354об.

¹⁹ Там же, л. 16; Солов., 1508/49, л. 24.

²⁰ ГПБ, Ф. III.1, лл. 75 и об.

²¹ Там же, лл. 68, 189, 266.

²² БАН, 19.2.9, лл. 124, 138, 143.

XVII века, не говоря уже о столетии после петровских преобразований. Научные сведения, включенные в «Великую науку», прежде всего космологические и биологические представления ее автора, почерпнуты из архаических для его времени источников, целиком относятся к средневековью и не отражают состояния ни западноевропейской, ни русской науки и образованности конца XVII века.²⁸

Исходя из этого, В. П. Зубов сводит все значение «Великой науки» к роли руководства по риторике: «Вся техника люллианского круговращения была у нас на Руси ориентирована в основном в сторону риторики». «Великая наука», по мнению В. П. Зубова, — не энциклопедия, а «пособие для оратора».²⁹

Интерес русского общества конца XVII—начала XVIII веков к вопросам ораторского искусства беспорен; его подтверждают и приведенные В. П. Зубовым данные о появлении в 1698—1710 годах целого ряда переводных и оригинальных пособий по риторике. Однако автор «Великой науки» не только не ограничивается вопросами риторики, но и не уделяет им преимущественного внимания. Его интересуют «вся естества всех прочих наук, вся основания их, вся существа, все случаи, все вины, все страсти, действия, начала, посредства, окончания; кратко рекше — все, яже в мире малыя и великия вещи, созданныя и несозданныя, тая наука описует и беседовати о них наставляет».³⁰

«Великая наука», по определению автора книги, «есть мудрость подлинная и светлая, являющая о своем подлежащем страсти, чрез первыя нужныя и непоколебимыя начала подвижающаяся... Предлежащее сея науки есть естество, не определенное никоим разньством, вышшее всех естеств, протчими науками рассуждаемых... Сея науки правила всем обще наукам нужныя суть».³¹

Следует отметить при этом оригинальное понимание предмета «Великой науки» А. Х. Белободким (или автором использованного им комментария). В отличие от самого Люллия, рассматривавшего философию, в соответствии с принципами средневекового мировоззрения, в качестве верной служанки теологии, а в своем «искусстве» видевшего орудие распространения христианства, А. Х. Белободкий противопоставляет «великую науку» богословию, ставит ее выше последнего: «Богословия (*theologia* А. Х. Белободкий переводит на русский язык существительным женского рода, — А. Г.) об одной вещи токмо поучает, о бозе и ему причитаемых вещей... Но сия наука о всех прочих науках поучает, тем же соборнейша есть не токмо богословии, но и всех мудростей... Понеже поучает о бозе, достоинстию равняется с богословиею; сверх того понеже наставляет разум и о простых художествах, нужнейшая богословии есть». Люллиева «наука», по мнению автора, «всех наук и богословии самая вышшая есть, и правила яко протчим наукам, тако и богословии полагает».³²

²⁸ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, стр. 53—65; Т. Райнов. Наука в России XI—XVII веков, части I—III. М.—Л., 1940, стр. 434, 466.

²⁹ V. P. Zoubov. Quelques notices sur les versions russes des écrits et comentaires lulliens. Separata de Estudios lullianos, t. III, fasc. I, Palma de Mallorca, 1958, стр. 63—66; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в., стр. 290—295.

³⁰ ГПБ, Ф. III. 1, л. 4об.

³¹ Там же, лл. 7об.—8, 10.

³² Там же, лл. 5, 8об.—9. В этом противопоставлении не следует видеть какой-либо антирелигиозной тенденции: автор или «прелагатель» «Великой науки» стоит на позициях ортодоксального православия и полемизирует как с язычниками и еретиками, так и с «афеистами». Там же, лл. 180—181, 354 об.

Но если светская «Великая наука» ставится выше основанного на религиозном откровении богословия, то тем менее поводов отождествлять ее предмет с ораторским искусством. «Предлежащее» ее «пространнейше предлежащего риторического и логичного». «Вся описания ея (риторики, — А. Г.) заключаются в единых токмо прилагаемых разсмотрительных... Наша же науки описание непременно соборнейше творит по всем основаниям, себе положенным».³³ Прямое касательство к риторике имеет лишь один небольшой раздел «Великой науки» — «Беседа о второй форме философской» с приложением «Слова о посте». Но эти главы никак прямо не связаны с текстом шестой части книги, после которой они следуют; они входят в состав далеко не всех списков «Великой науки» (например, «Беседа» отсутствует в рукописи ГПБ, Солов., 1508/49) и, вероятно, являются прямым заимствованием из «Риторики Раймунда Люллия» — сочинения, специально посвященного применению принципов люллиевой «науки» к ораторскому искусству.³⁴ Отметим, кстати, что если «Великая наука» в полном объеме и в сокращении Андрея Денисова сохранилась в 61 списке, то «Риторика Раймунда Люллия» дошла до нас лишь в 9 рукописях.

Итак, «Великая наука» — не научная энциклопедия и не руководство по риторике. По замыслу автора, она должна была явиться своеобразным учебником философии, задача которого — дать в руки просвещенного читателя универсальный и легко доступный метод усвоения всех наук. Об этом прямо говорится в предисловии, где приводятся взятые из западноевропейской люллианской литературы примеры чудодейственного превращения простых и невежественных, неграмотных людей, то почти детей, то седых старцев, во всесторонне образованных и вызывающих всеобщее восхищение мудрецов, благодаря обучению по методу «Великой науки». Поэтому автор стремится сделать свое сочинение «внятным не токмо ученым, но и неученым человеком»,³⁵ уделяя большое внимание точному переводу и истолкованию философских понятий. Разработка русской философской терминологии — бесспорная и, быть может, важнейшая заслуга А. Х. Белобочко.

Решающее слово в разрешении вопросов, связанных с изучением «Великой науки», принадлежит, на наш взгляд, тем ее читателям, которые обеспечили ее сохранение и распространение в десятках списков. Обследование сохранившихся рукописей «Великой науки» позволяет уточнить время распространения этого сочинения, выяснить круг его читателей и причины его популярности, а тем самым определить и место этого произведения А. Х. Белобочко в истории русской образованности XVIII века.

Основная масса списков «Великой науки» не датирована. Тем больший интерес представляют в этой связи датированные рукописи. Самая ранняя из них имеет вытисненный на переплете заголовок с подробной характеристикой «Великой науки» и дату — 1719 год (БАН, 17.15.20). Один из первых владельцев этой книги приобрел ее, очевидно, в 1720 году и, после того, как «три года держал», перепродал в 1723 году.

В одной из записей переписчика сохранились сведения и о более ранних списках. В рукописи ГПБ, Тиханов, 216 вместе с «Великой наукой» переписан и текст «Краткой науки» Раймунда Люллия. Это последнее произведение содержит в конце сведения о дате его написания: «К чести и хвале божией и гражданския ради пользы окончил Раймундус сию книгу в лето господне 1307». Русские переписчики, завершая свой труд, в ряде случаев вместо даты написания «*Ars brevis*» Люллием указывали дату окончания собственной

³³ Там же, лл. 7об.—8, 182об.

³⁴ Возникающий в связи с уточнением даты написания «Великой науки» вопрос о пересмотре хронологической последовательности сочинений А. Х. Белобочко выходит за рамки настоящей статьи.

³⁵ ГПБ, Ф. III. 1, лл. 1—5.

своей работы. В данном случае неизвестный писец заменил последние слова «Краткой науки» своим текстом: «... в лето от сотворения миру 7215 году, апреля в 29 день», что свидетельствует о распространении сочинений Белобочконого уже в 1707 году.³⁶ Следующий переписчик этой книги сделал свою приписку в 1712 году: «Ныне же с списка того списася 7220 году, августа в 22 день». И, наконец, переписчик дошедшего до нас экземпляра добавил: «Мы же списка уже сего спискам 1740 го(ду)».

Список ГБЛ, Невоструев, 41 сделан в 1730 году. Другая рукопись — ГБЛ., Муз. 4150, имеет дату «7253 anno», т. е. 1744/45 год. К первой половине XVIII в. относятся рукописи Калининского архива № 738, имеющая владельческую запись 1743 года, и рукопись ГПБ, Ф. III. 105, имеющая запись о продаже ее в 1751 году. Несомненно, к числу наиболее ранних относится и неоднократно цитированная нами рукопись ГПБ, Ф. III. 1, писаная почерком начала XVIII века и сохраняющая характерные черты допетровской скорописи конца предыдущего столетия. Список БАН, 31.3.30 оканчивается записью: «Аминь. Конец и богу слава. Окончана июля 23 дня 1753 году. А начата списыванием в июле ж 752 году». К тем же 50-м годам относится рукопись БАН, 33.8.10, имеющая приписку: «Списана сия книга в лето от рождества Христова 1756-е, и да будет слава дателью всех благ богу, яко начатию сему конец свершился. Издатель же да хвалится, яко труд его любовотно во услажение к прочитанию и науке приемлется». Время продажи рукописи ГПБ, Солов. 1508/49 определяется Н. Соколовым 1757 годом по аналогичным записям о продаже других книг тем же владельцем в Соловецкий монастырь.³⁷

Судя по почерку и бумажным знакам,³⁸ к 1738—1747 годам могут быть отнесены рукописи ГПБ, Ф. III. 2, Титов, 4895, и Мих. F. 116 (бумага «Коммерц-коллегии»); к 1756—1765 годам (бумажный знак «ЯМАЗ») рукописи ГПБ, Ф. III. 23; ГБЛ, Муз. 4150, Егоров, 1555; ГИМ, Уваров, 2236 (606).

Рукопись БАН, 17.6.8 датирована: «В лето от воплощения слова бога 7279», т. е. 1770/71 год. По бумажным знакам можно датировать концом 80-х—началом 90-х годов (две шестиконечные звезды) список ГПБ, Q. III. 11; после 1790 года сделан список ГПБ, Q. III. 12 (медведь с секирой пляшет под короной, «1790»); после 1801 года («AS», «Pro patria») — список ЛОИИ (Ленинградского отделения Института истории АН СССР), Воронцов, 213.

Наиболее поздний из известных нам списков резко отличается по своему виду от всех остальных: два аккуратно переплетенных томика переписаны мелким и четким почерком начала XIX столетия. Бумажный знак («АО») позволяет датировать рукопись 1800—1813 годами (ГПБ, O. III. 16 и O. III. 16^б). Этот последний список носит название «Раймунда Люллия Кабалистика»; не исключено, что его владелец-переписчик принадлежал к масонским кругам. За указанным (единственным) исключением все обследованные нами списки «Великой науки» по палеографическим признакам, бесспорно, относятся к XVIII веку, по большей части, к его середине. Если как памятник русской философской литературы это сочинение А. Х. Белобочконого связано еще с традициями конца XVII века, то как книга, нашедшая своего читателя, «Великая наука» целиком принадлежит культуре XVIII столетия.

Сведения о владельцах и переписчиках дошедших до нас экземпляров «Великой науки» весьма скудны и отрывочны, однако мы сочли необходимым

³⁶ Аналогичные записи свидетельствуют о переписке «Краткой науки» в 1715 году. См.: ГПБ, Ф. III. 2 и БАН, 16.17.18.

³⁷ Н. Соколов. «Философия Раймунда Люллия» и ее автор, стр. 332.

³⁸ М. В. Кукушкина. Флигранны на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. (Обзор собрания П. А. Картавова). Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II (XIX—XX века). М.—Л., 1958, стр. 285—371.

учесть все встретившиеся в рукописях упоминания, с тем, чтобы попытаться установить хотя бы приблизительно круг читателей этого произведения.

Ни о чем не говорят разного рода оборванные и незавершенные записи, вроде «Спис... Сави...» (БАН, 31.3.30), «Из книг Вас... М...» (ГПБ, Ф. III, 23), «Тимофея Орлова» (ЛОИИ, Воронцов, 213). Но уже такие записи, как «Сия книга списана Михайлом Ульяновым сыном Урлановым» (ГБЛ, Новоструев, 41) или «Списана тщанием и иждивением Феопопта Васильева Попова» (БАН, 33.8.10),³⁹ относящиеся соответственно к 1730 и 1756 годам, благодаря отсутствию отчества на «ич» свидетельствуют о недворянском происхождении владельцев книги. «От низжайших как по природе, так и фартуной Никифор» — так называет себя владелец списка БАН, 17.15.20.

Несравненно больший интерес представляют записи, содержащие точные сведения о социальном положении владельцев книг. Сия книга Раймунда Люллия, — читаем мы в списке ГПБ, Солов. 1508/49, — «Соловецкого монастыря крестьянина Семена Иванова сына Лукичева, которую продал Григорью Алексееву сыну Титову, того монастыря служителю, а цены взял (выскоблено, — А. Г.). Подписал я, Лукичев, своею рукою». В другом современном списке сохранилась следующая запись: «Московской суконной фабрики ученик Григорей Попков продал книгу Раймунду Люлию зачисто, в том и росписался своєю рукою 1751 г. марта 22». (ГПБ, Ф. III, 105). Позднее сделана запись на экземпляре ГБЛ, Муз. 243: «Сия книга Нижнетагильского завода жителя Кондратя Семенова Рубленова собственная. 1801-го году, февраля 8 дня». Рукопись Калининского архива № 738 принадлежала в 1743 году петербургскому купцу Ивану Панову; рукопись ЦГАДА, МАМИД, № 891/1457 — петербургскому купцу Павлу Никифорову сыну Посникову. Рукопись БАН, Успенского, 127 имеет следующую владельческую запись: «Сия книга принадлежит воронежскому купцу Ивану Денну с братьями его». Купеческой семье Францовых принадлежал список ГПБ, Тиханов, 216, о чем свидетельствует запись: «Сия книга принадлежит курскому купцу Федору Яковлеву сыну Францову, доставшая по наследству от родителя своего Якова Григорьева сына Францова в 1844 г.». Наконец, рукопись ГПБ, Q. III, 12 «куплена в 1813 г. у отставного поручика Александра Дзержановского».

Все остальные записи не представляют интереса для определения круга читателей «Великой науки», так как принадлежат не владельцам-читателям, а владельцам-коллекционерам. Предметом коллекционирования «Великая наука Раймунда Люллия» становится уже в XVIII веке; первая из такого рода записей, на титульном листе рукописи ГПБ, Ф. III, 2, принадлежит известному коллекционеру П. Дубровскому: «Ex Museo Petri Dubrowsky. Parisiis. 1779».

При всей ограниченности и неполноте приведенных данных, важно отметить, что все известные нам владельцы рукописей «Великой науки» принадлежат к демократическим слоям населения, к «третьему сословию» русского общества XVIII века. Обращение автора к «неученым» было услышано. «Искатели науки сея» — «низжайшие как по природе, так и фартуной»: купцы, крестьяне, мастерские стремились найти ключ к знаниям в люллиевом «искусстве».

Сохранившиеся в рукописях пометы читателей, записи на чистых листах, маргиналии позволяют судить о том, что искал читатель XVIII века в «Великой науке», что именно представляло для него интерес в сочинении часто уже полувековой давности, требовавшем немалых средств и времени на переписку, немалых сил на чтение и усвоение сложного содержания.⁴⁰

³⁹ В подлиннике — тайнопись. Расшифровка Б. Е. Райкова (Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, стр. 60).

⁴⁰ Мы оставляем в стороне приписки коллекционеров. Они содержат сведения о биографии и воззрениях Раймунда Люллия, почерпнутые из научной

Некоторые записи читателей касаются сведений частного характера, содержащихся в рукописи (список БАН, 19.2.9 — о пигмеях и людях с зобами). Любопытна пометка на полях рукописи БАН, 17.15.20: к словам «Король великий Людовик, тако нареченный великий нынешний царь французский» неизвестный читатель сделал приписку: «Нам лучши Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, а не французский».

Одна из записей касается определения каббалистики (БАН, 17.6.8: «Каббалистика еврейскому и сирийскому языку каба́ла. Значит крылы бо́жия»); другая — определения бога (ГПБ, Солов. 1508/49: «Отец убо безвинный, ни от кого есть, но сам от себе»).

Подробная характеристика «Великой науки» содержится в надписи, вытисненной на кожаном переплете рукописи 1719 года (БАН, 17.15.20). Текст этот написан по-русски латинскими буквами, с добавлением отсутствующих в латинском алфавите русских букв: «Великая и предивная наука богом прорешеннаго Раймунда Люлия. Подобае́т бо любящим себе и ищущим мене пречесную науку премудрую каба́листичную, всем наукам наставницу и царицу с прилежанием внимать. Высокопарное слово совершаю и нрав мудрости украшаю, и тем, рекше, мною вси мудры вид достойныя славы себе постигают. Понеже бо младенцем есмь яко мудрости питательница, аз бо все удобно и разумно глаголаю наукаю и быстрозрительнаго разума постигнути умудряю. И вся помыслы расуждати умышляю. И от лжи истинствовати настаиваю, и глубоковитное таинство открываю».

У первого читателя и владельца этого списка не хватило «прилежания» одолеть люллиеву премудрость, о чем свидетельствует приписка в конце книги: «Доселе моя охота, прочее оставляю: инем с прилежанием ю читать. Аще я лености де́ля и ничто себе обрел; однако, вся кто будет прилежно читать, обрящет то, яже содержит (далее зачеркнуто: «в сем», — А. Г.). Многим промыслом и великой ценой едва ю стяжах, ныне же не за толико отдах. От еже в пречестнейших ей быти руках, три года держак. От нижайших как по природе, так и фартуной, Никифор сия написах. 1723 г., июня 17 дня».

Философскому и логическому содержанию рукописи посвящена запись в списке «Великой науки» ГПБ, Тиханов, 216: «Два пределения естества: существо и случай. Существо есть девятигубо, и случай тако ж. По сем ведай, яже обще всем, существам и случаем, припинаются; та же знай вся, яже им приложена быти могут по требованию их, или отложена по неудобности совокупитися с ними. Потом знай, которыми вся сия в разуме утвержаются, правила или вопросы, яже суть девять, и под ними суть многия иныя вопросы, княздо до своего оглавления надлежащия. Сия мудрость в реченных вещей познании заключае́тся. Крылы бо́жия. Три части имеет сия наука: 1. Приобретение слов. 2. Сведение предреченных вещей, или отлучение друг от друга. 3. Расположение, принятие ко всяким вещем, и объяснение примерами».

Интересны маргиналии списка ГПБ, Q.III.70. На полях рукописи отмечены важнейшие определения, содержащиеся в «Великой науке»: «Что есть каба́ла?», «Мнение древних философов об ангелах», «Свойства духа человеческого», «Что есть определение плотное. Есть еже тщательством нашим получение вещей, к плоти надлежащих». Особое внимание читателя привлек один из важнейших богословских вопросов, вызывавших ожесточенные споры: вопрос о сотворении душ человеческих. Запись на полях свидетельствует о религиозных сомнениях неизвестного читателя: «Ежели души сотворены все в одно время, в шестой день сотворения, то где они пребывали до времени вмещения их в тела младенческие, в утробах матерных зачинаемы? Или

литературы, и не представляют самостоятельного интереса. См., например, ГПБ, F.III.105 и БАН, 16.17.18.

бог при каждом зародыше, от похоти человеческая, сотворяется новая душа для каждого тела. Так за что же она, безгрешная будущи, подвергается греху и осуждению, за то, что помещается в греховное тело?».

Густо испещрен пометами, подчеркиваниями и маргиналиями список ГПБ, Титов, 4642. Все они свидетельствуют о философских интересах читателя. На первом листе содержится ссыла на текст книги: «О материи и форме писано на 29 листе на обороте, в 5-м пределении. Материя — с чего что творится, форма — чем что совершается». На указанном 29 листе имеется отметка: «Материя и форма... Сила страждущая — материя, и сила действующая — форма». В конце первой главы первой части «Великой науки» — «О естестве» — читатель записывает: «Нуж(но) читать и помнить»; на л. 26 — «Кои теперь по ряду и должно читать со вниманием». Подчеркивания касаются, в частности, приводимых в тексте книги высказываний Аристотеля (л. 16: «Аристотель в науке о качествах...»; л. 34об.: «Аристотель рече: разум наш доска голая есть», и т. п.).

Весьма многочисленны пометы в рукописи «Великой науки» ЦГАДА, МАМИД, № 663/1175. Записями на полях: «потребно», «потребно зело», «внемли изрядно», «зри» отмечены наиболее существенные места текста: «внемли изрядно: для того физикове естество свое ессе сиречь бытие подлинное нарицают» (л. 5об.); «потребно зело: кроме бога естеством своим никакая тварь не действует, но силоу естества своего» (л. 7об.); «внемли о движении: убо тварь движется ово внутренним, ово посторонним движением» (л. 8об.); «потребно зело: пределение естеств ведати, паче всего нужнейшее есть в науках» (л. 10); «потребно: три убо души философове согласно со Аристотелем полагают: разумную, чувствующую и растительную» (л. 13); «зри: о действиях разума» (л. 22); «вины, случан» (л. 105об.); «4 вины: действующая, материальная, формальная, окончающая» (л. 280—280об.) и т. п. Часто встречаются такого рода маргиналии: «к физике», «к метафизике», «к богословию подлежащая». Записями, перечисляющими основные философские проблемы «Великой науки», со ссылкой на соответствующие листы книги, заполнены свободные листы рукописи до и после основного текста: «О чувствующем действующем и о чувствующем страждущем»; «о предикаментах и категориях»; «что значат сия имена, естеству приданныя: энс значит естество само собою стоящее; эссенция — истость; ессе натура значит естество физичное из материи и формы; энтытас значит естественность; эссенциялитас значит истость; куиддытас значит ещечество»; «актус пурус что значит: значит по толкованию словесному действо чистое, сиречь несмесное; действующее токмо, а не страждущее; единому творцу приличное, а не твари; всякая тварь кроме творца и действует и страдает»; «противности в существах несть, токмо в силах и действиях их есть противность» (лл. 1об., 473—473об.). И на полях и на последнем листе отмечено читателем место «о афеистах: потребно зело» (л. 184, 473).

Все эти записи с несомненностью свидетельствуют о преимущественно философских интересах читателей «Великой науки».

Читатель «Великой науки Раймунда Люллия» — человек, стремящийся к знаниям, но лишенный возможности заниматься систематическим самообразованием. Он рассчитывает овладеть основами «протчих наук» с помощью премудрости люллиевой «Великой науки», которая привлекает его прежде всего своим логико-философским содержанием. Не как энциклопедия и не как учебнику риторики обращается читатель XVIII века к сочинению А. Х. Белобоцкого. «Великая наука» служила своеобразным популярным пособием по философии, учебником «универсального» научного метода, каким предстало в ней люллиевое «искусство» — метода, рассчитанного на непрофессионала, но стремящегося к самообразованию читателя. Именно этим, как нам представляется, и было обусловлено распространение рукописей «Великой науки Раймунда Люллия» в демократических читательских кругах.

Петровские преобразования способствовали пробуждению тяги к просвещению в широких слоях русского общества. В то же время пути к получению образования остались закрытыми для податных сословий крепостнической империи. В «Великой науке» демократический читатель надеялся найти тот путь к знаниям, который был заказан ему его «подлым» происхождением.

Исследователями отмечено распространение списков «Великой науки» в северном Поморье, не только среди старообрядцев, но и среди окружавшего их крестьянского населения. Известно, что любовь к чтению, к книге способствовала временному вовлечению юного Ломоносова в ряды «беспоповцев». Д. С. Бабкиным было выдвинуто предположение о пребывании М. В. Ломоносова в Выговской пустыни у Андрея Денисова.⁴¹ Даже если эта гипотеза и не будет подтверждена дальнейшими изысканиями, важно отметить, что те два года, когда, по свидетельству биографа М. В. Ломоносова, «младый его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины» (1724—1725 годы), совпали со временем распространения на Севере рукописей «Великой науки» и с появлением «сокращения» Андрея Денисова. Не исключено, что в круг чтения молодого Ломоносова наряду с другими духовными и светскими сочинениями входила и «Великая наука Раймунда Люблия». Своим широким охватом всех видов «сущностей», объяснением латинской философской терминологии, наличием архаичных для образованных людей XVII века, но отнюдь не утративших познавательного интереса для «неученых искателей науки» сведений о «естестве», она могла привлечь любознательного читателя и поддержать в нем страстное стремление к знаниям.

⁴¹ Д. С. Бабкин. Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками. Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. II. М.—Л., 1946, стр. 27—31.